

Шэнь Цинчи смотрел на повреждённое подслушивающее устройство, крепко сжимая его в пальцах, и очень тихо сказал:

— Дядя, ты не мог бы помочь мне найти моих настоящих родителей?

Шэнь Фан поднял голову, сигарета во рту покачивалась в такт его словам:

— Два года назад, когда ты узнал, что не родной сын семьи Шэнь, почему не стал искать?

— Я попросил Шэнь Цина помочь мне, он согласился. Сказал, что найдёт, и тогда позволит мне самому решить, остаться или уйти. До того момента он по-прежнему считал меня сыном. Но прошло уже два года, а никаких известий нет.

Голос Шэнь Цинчи слегка дрогнул:

— Я подозреваю, что он вообще не искал и никогда по-настоящему не собирался меня отпускать. Даже Чжоу Ванъяня они нашли тайком. В последнее время они за мной очень плотно следят, ещё и уведомление о зачислении забрали... Я просто не могу понять, что они задумали.

— А я-то думал, ты уже всё понял, — Шэнь Фан взял со стола зажигалку, затянулся, чтобы разжечь сигарету, но потом просто положил её в пепельницу. — Совершенно очевидно, что шестнадцатилетняя ошибка с ребёнком — это для них позор. Ты, Шэнь Цинчи, отличник, а Чжоу Ванъянь — просто никчёмный хулиган. Даже если дать ему пересдавать десять лет, в Университет Цин он не поступит.

— Тогда как сделать так, чтобы сын был и родным, и выдающимся? Лучший способ — просто заменить тебя. Чжоу Ванъянь станет Шэнь Цинчи, возьмёт твоё уведомление о зачислении и поступит в университет. А настоящий Шэнь Цинчи, разумеется, должен бесследно исчезнуть.

Шэнь Цинчи с недоверием широко раскрыл глаза:

— Ты хочешь сказать...

— Ты обратился ко мне за помощью, разве не потому, что это осознал? Похоже, ты не так глуп, как я думал, но и не так умен, — Шэнь Фан поднял пепельницу. — Отнеси на балкон. И не забудь открыть окно и закрыть дверь.

Шэнь Цинчи на мгновение застыл, не протягивая руку.

— Что, так нравится дышать чужим дымом? Или, может, мне её докурить?

Шэнь Цинчи словно очнулся, поспешно взял пепельницу и вместе с тлеющей сигаретой отнёс на балкон.

То, что Шэнь Фан рассказал ему всё это, видимо, означало полное доверие.

Те слова, что он сказал в споре с приёмными родителями, Шэнь Фан, скорее всего, вообще не слышал. Иначе реакция была бы иной.

Вспоминая теперь, сумка с «жучком» тогда осталась в прихожей, а ссорились они у двери его комнаты. На таком расстоянии, наверное, записался только крик Чжу Чжэнцзюань.

Его удача не совсем ему изменила.

И сейчас тоже хорошо: это позволило сверхосторожному Шэнь Фану перестать в нём сомневаться, и дальнейшие планы станут значительно проще.

Шэнь Цинчи закрыл балконную дверь и вернулся в гостиную, как вдруг услышал слова Шэнь Фана:

— Насчёт твоих родителей я буду наводить справки. Но не питай слишком больших надежд.

Шэнь Цинчи покорно ответил:

— Спасибо, дядя.

Его самого возможность найти кровных родителей не волновала. В конце концов, он вырос в детском доме и никогда не питал никаких иллюзий или несбыточных надежд относительно слова «родители».

Он просто хотел дать ответ первоначальному хозяину этого тела.

Если однажды тот сможет вернуться, он всё же надеялся, что тот сможет жить со своей настоящей семьёй.

— Что хочешь на обед? — спросил Шэнь Фан.

Шэнь Цинчи очнулся от мыслей:

— Всё равно, я не привередлив.

Шэнь Фан цыкнул и нахмурился:

— Я спросил, что ты хочешь, а не что можешь есть.

— А... — Шэнь Цинчи тут же поправился. — Хочу кисло-острую лапшу.

— Кисло-острую лапшу, — Шэнь Фан задумался, затем поднялся. — Ладно, подожди немного.

Шэнь Цинчи смотрел, как тот направляется на кухню, и вдруг окликнул:

— Дядя, у тебя... рука уже не болит?

Шэнь Фан остановился:

— А если скажу, что болит, ты что, сам приготовишь?

Шэнь Цинчи сжал губы.

Он бы и рад.

Жаль, что изначальный хозяин тела не умел готовить, а выходить из образа он не хотел.

Он тихо произнёс:

— Я хотел сказать, почему бы не нанять домработницу?

— Не люблю, когда в мой дом приходят чужие.

Шэнь Цинчи моргнул:

— Значит, по-твоему, я не чужой?

Шэнь Фан резко обернулся к нему.

На лице юноши читалась искренняя простота, словно он и вправду был всего лишь любознательным отличником, который добивается ответа. Его глаза были чистыми и прозрачными, в них, казалось, невозможно было ничего скрыть.

Шэнь Фан обвёл его взглядом, заподозрив, что, возможно, додумывает.

Наконец он выдавил четыре слова:

— Посмотрим, как себя проявишь.

Шэнь Цинчи смотрел, как его спина скрылась за дверью кухни, и безобидная искренность в его глазах мгновенно сменилась на хитрое удовлетворение.

Дядюшку оказалось довольно легко обвести вокруг пальца.

Он помнил, что в романе единственным настоящим увлечением Шэнь Фана, которое упоминалось, было приютить бездомных животных, особенно бродячих кошек. Жаль, что ради поддержания образа беспечного повесы он никогда не держал их долго. В основном, вылечив больных или раненых зверьков, он тут же искал им новых хозяев.

То, что Шэнь Фан распахнул перед ним дверь в ливневую ночь, наверное, было потому, что принял его за бездомное животное.

Шэнь Цинчи, бездомный и жалкий, убрал коготки и покорно ждал, когда его накормят.

Было уже за полдень. После утренней битвы умов с Шэнь Цзином он уже изрядно проголодался, а аромат, плывущий с кухни, лишь усилил этот голод.

Наконец он услышал, как Шэнь Фан позвал его:

— Иди сюда, помоги!

Шэнь Цинчи поставил на стол две миски с кисло-острой лапшой, разложил палочки и, глядя на плавающий в миске слой красного масла, с трудом сдерживал слюнки.

Но, следуя принципу «если притворяешься послушным — делай это до конца», он твёрдо решил не прикасаться к еде раньше Шэнь Фана.

Шэнь Фан сел напротив и, видя, как тот изо всех сил сдерживается, — точь-в-точь как голодный, но осторожный котёнок, которого подкармливают люди, — сказал:

— Давай, ешь. В моём доме не нужно соблюдать столько церемоний.

— Спасибо, дядя.

Шэнь Цинчи перестал церемониться, взял палочки, подхватил немного лапши, подул на неё и отправил в рот.

Не прожевав и пары раз, он почувствовал, как от щёк до ушей всё вспыхнуло, невольно высунул язык и принялся обмахиваться рукой:

— Как остро!

Шэнь Фан, похоже, заранее ожидал такой реакции, и на его губах возникла несколько злорадная улыбка:

— Сам заказал кисло-острую лапшу, разве острота не обязательна? Доедай. Еду выбрасывать нельзя.

— ...Раньше кисло-острая лапша никогда не была настолько острой, — с обидой посмотрел на него Шэнь Цинчи. — Дядя, ты специально?

— Как это я специально? Я просто спрашиваю: вкусно?

Первая острота уже отступила. Шэнь Цинчи с нетерпением отправил в рот второй кусок. Язык, видимо, привык, и жгучесть уже не казалась невыносимой, а более богатый вкус распространился во рту.

Шэнь Цинчи, испытывая одновременно страдание и наслаждение, энергично закивал:

— Вкусно!

— Ну и хорошо, — улыбнулся Шэнь Фан. — Не думал, что любишь острое. И ещё алкоголь, да?

Кончики палочек в руке Шэнь Цинчи дрогнули.

Он и сам не мог сказать, что любит острое. Просто в его прежнем теле был слабый желудок, от острого начинались боли. Каждый раз, когда он ходил с одноклассниками в хого, приходилось заказывать сковороду-инь-ян, и он ел только прозрачный бульон. Из-за этого его особенно тянуло на острое. Теперь, сменив тело, он немного потерял контроль.

Но... а изначальный хозяин любил острое? Он действительно не знал. В романе никогда не упоминались предпочтения «Шэнь Цинчи», что лишь подтверждало: «Шэнь Цинчи» был законченным статистом.

Шэнь Цинчи помолчал:

— Просто давно не ел, соскучился. А алкоголь не люблю, в прошлый раз... вынужденно.

Шэнь Фан протянул «о-о», словно его ответ не был неожиданным:

— Я тоже думал, что ты не из тех, кто пьёт. На том семейном ужине подавали в основном неострые блюда, я и решил, что в вашей семье никто острое не любит.

— ...Это Чжоу Ваньянь не любит острое, — опустил глаза Шэнь Цинчи. — Ужин в его честь, конечно, готовили по его вкусу. А я... лишний.

Он говорил всё тише и тише, в интонации послышалась лёгкая сдавленность, а на миловидном лице проступила неподдельная тоска.

Шэнь Фан почувствовал его обиду и едва слышно вздохнул, мысленно отметив, что Шэнь Цинчи всё же ребёнок. Пережив такое, внешне он кажется стойким, но на душе наверняка

тяжело.

Он вспомнил свою прежнюю настороженность по отношению к нему и невольно почувствовал лёгкое раскаяние. Чтобы утешить, сказал:

— Ладно, не думай о неприятном. Впредь, если захочешь что-то съесть, скажи мне. Если они не приготовят — я приготовлю.

<http://bllate.org/book/16296/1469478>